

18+

Александр Булдаков

**Путь
по лезвию
ножа. Баклан**

Александр Булдаков

Путь по лезвию ножа. Баклан

<https://litres.ru/74153657>

ISBN 9785007019729

Аннотация

Бывший опер, ветеран Афганистана, Виктор Бакланов прошёл путь от стража порядка до криминального авторитета. Увольнение из органов, обида, жажда мести — и он перешёл черту: крышевание, откаты, убийства, контрабанда оружия. Всё рухнуло в декабрьском ангаре. «Закон — это я» — эти слова стали его кредо и приговором. Четырнадцать лет строгого режима. Но злость не утихает даже за колючей проволокой.

Содержание

ПУТЬ ПО ЛЕЗВИЮ НОЖА	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Путь по лезвию ножа. Баклан

Александр Булдаков

© Александр Булдаков, 2026

ISBN 978-5-0070-1972-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПУТЬ ПО ЛЕЗВИЮ НОЖА

Книга шестая: БАКЛАН

Посвящается тем, кто сорвался с лезвия. Тем, кто был на той стороне, а потом перешёл на эту. Тем, кто забыл присягу, но помнил обиду. Тем, чья злость стала топливом для падения — стремительного, необратимого, смертельного. И тем, кто его остановил — ценой, которую никто не считал.

«Закон — это я. Понял? Я говорю — есть закон, значит, есть. Я говорю — нет, значит, нет. Ты, лейтенант, со своим уставом, как в поговорке. А у меня — свой устав. Я его сам написал. Кровью. И не переписываю. Потому что переписывать поздно. И некому. И незачем. Закон — это власть. А власть — это я. Всегда был я. И буду. Даже если вы меня посадите — мои люди останутся. Мои деньги останутся. Моя воля останется. А вы, лейтенант, — вы просто винтик в системе. Вас заменят. А меня — нет. Меня не заменит никто. Потому что я — единственный. Последний из тех, кто помнит, как было. И как должно быть».

Из разговора В. С. Бакланова с лейтенантом А. С. Гордевым, 2009 год

Пролог. Арест

Усолье-Сибирское, декабрь 2013 года.

Ангар на окраине города стоял заброшенным с советских

вре́мён — когда-то здесь хранили удобрения для совхозных полей, потом — металлолом, потом — ничего. Крыша прохудилась, стены из шлакоблока покрылись мхом и плесенью, ворота ржавые, с петлями, которые давно не смазывали, с замками, которые открывались только с третьего раза. Внутри пахло сыростью, мышами, старым деревом, бензином и чем-то ещё — чем-то неуловимо опасным, тем, что заставляет волосы на затылке шевелиться.

Сегодня здесь пахло оружейной смазкой и деньгами.

Баклан — Виктор Семёнович Бакланов — стоял у штабеля деревянных ящиков, на которых чёрным маркером было написано: «Запчасти Китай. Хрупкое. Не кантовать». В ящиках лежали автоматы: Калашников, новые, прямо с консервации, смазанные заводской смазкой, пахнущие солидом и железом. Семь ящиков — сто стволов. Три магазина к каждому — три сотни магазинов. Ещё два ящика — гранатомёты, РПГ-7, новые, не стрелянные, с оптическими прицелами и комплектами гранат.

Кроме оружия — деньги. Десять миллионов рублей. Крупными купюрами, пачками по сто тысяч, перевязанными резинками. В кейсах — трёх, чёрных, кожаных, с кодовыми замками и логотипами дорогих брендов.

Баклан курил — сигарету «Парламент», тонкую, ментоловую. Он бросил курить в 2005 году после того, как лёгкие начали шалить — одышка, кашель, кровь по утрам, после того, как в больнице на флюорографии обнаружили пятна. Но

сегодня курил. Сегодня был особенный день. Может быть, последний.

— Всё готово? — спросил он, обращаясь к бригадиру — коротко стриженному мужику с татуировкой на шее (паутина — знак того, что сидел, и не раз, и не два, и не в тюрьме общего режима, а в зоне строгой). Бригадира звали Клык. Настоящее имя — Геннадий Сергеевич Клыков. Бывший опер, бывший зэк, бывший человек.

— Всё, шеф, — ответил Клык, поправляя кожаную куртку. — Покупатель будет через час. Деньги при нём, как договаривались. Три кейса. Наличка. Стодолларовые купюры — тоже наличка, двести тысяч долларов.

— Кто он?

— Сказал — не важно. Важно, что деньги настоящие. И что он не мусор.

— Проверил?

— Проверил. Наши люди в банке подтвердили — счета чистые, транзакции легальные. Отмытые через офшоры на Кипре и в Швейцарии. На всякий случай — за ним с утра следят. Двое наших. Если что — дадут знак.

Баклан кивнул, затянулся, выпустил дым в промозглый воздух ангара.

Ему было пятьдесят два года. Лысый, с мощной шеей и кулаками, которые помнили не один бой. Одет — в чёрную кожаную куртку (кожа мягкая, дорогая, итальянская), джинсы (фирменные, «Levi's»), армейские ботинки (спецзаказ, на

толстой подошве, с металлическим носком). На предплечье — татуировка «СК» — «Северный Кавказ», его война, его боль, его оправдание перед самим собой за всё, что он сделал потом. На шее — золотая цепь толщиной в палец, на цепи — кулон, маленькая пуля из серебра, пуля 9 мм, та самая, которой он когда-то выстрелил и попал — или не попал, уже не важно.

В кармане куртки — пистолет. «Макаров», табельный, тот самый, который ему выдали на службе и не забрали при увольнении. Он не стрелял из него много лет — только перезаряжал по воскресеньям, смазывал, проверял механизм. На всякий случай.

— Зря он заказал встречу в ангаре, — сказал Клык, оглядываясь по сторонам: стены, окна под потолком, зарешёченные, ворота — единственный выход. — Место глухое. Если мусора наедут — не выскочим.

— Не наедут, — ответил Баклан, даже не поворачивая головы. — Я договорился.

— С кем?

— С теми, кто нужен. У нас всё схвачено в областном УВД. Сегодня все заняты. Никому нет дела до нашего ангара. Операция в Иркутске — задерживают группировку по контрабанде спирта. Наши люди в курсе. Нас не тронут.

— А если нет?

— Не ссы. — Баклан докурил, бросил окурочок на бетонный пол, растёр подошвой ботинка. — Никто не узнает. Через

час сделки, через два — мы уже в Иркутске. А завтра — в Москве. Через неделю — в Турции. Я уже билеты заказал. Чартер.

— А если...

— Хватит «если». — Баклан повернулся к Клыку, и в его глазах — маленьких, чёрных, глубоко посаженных — загорелся тот опасный огонь, который Клык видел только перед самой страшной разборкой. — Всё схвачено. Я сказал.

Клык замолчал.

Баклан ошибался.

Часть первая. Тот, кто служил

Глава 1. Родина

Город Усолье-Сибирское, 13 мая 1961 года.

Виктор Семёнович Бакланов родился в роддоме на улице Калинина, в палате на двенадцать коек, которая не отапливалась по ночам, и мать, Клавдия Петровна, сорока лет от роду, клала новорождённого на свою грудь, чтобы согреть. Акушерка, старая, выдавшая виды, сказала: «Крепкий мальчик. Пять килограммов. Будет мужчина — будь здоров».

Отец, Семён Ильич Бакланов, тридцати восьми лет, работал на химкомбинате аппаратчиком — отвечал за реакторы, в которых производили ядохимикаты. Работа была вредной, опасной, на четвёртой сетке (коэффициент вредности — 1.4). Платили хорошо — сто двадцать рублей, плюс премии, плюс путёвки в санатории, плюс молоко за вредность — раз в день, стакан.

Мать, Клавдия Петровна, работала уборщицей в городской больнице — мыла полы (уксусной эссенцией, до блеска), выносила мусор (тяжёлые баки, полные пропитанных кровью бинтов и использованных шприцев), меняла постельное бельё в палатах (тяжёлые матрасы, которые надо было переворачивать вдвоём, но она была одна). Зарплата — шестьдесят рублей.

Жили в коммуналке на улице Ленина, в доме №17, во дворе, где росли старые липы и вечно орали дети. Коммуналка — на три семьи. Общая кухня — десятиметровая, с газовой плитой на две конфорки, с раковиной, забитой вечно грязной посудой. Один туалет на этаже — в конце коридора, с вечно сломанным бачком и полом, пропитанным мочой.

Комната Баклановых — пятнадцать метров. Окно выходило во двор — на сушилку для белья, на песочницу, на лавочку, где по вечерам собирались алкоголики. Две кровати — железные, скрипучие. Стол — деревянный, шаткий, на одной ножке короче других, подставлен кусок фанеры. Шкаф — старый, довоенный, с треснувшим зеркалом. Икона в углу — Спас Нерукотворный, пожелтевшая от времени и копоти.

Отец пил. Не в запой — по-чёрному, раз в неделю, в пятницу, после получки. Начинал с пива — «Жигулёвское», три сорок семь копеек бутылка. Переходил на портвейн — «777», один сорок семь, сладкий, дешёвый. Заканчивал самогоном, который покупал у бабки-самогонщицы на базаре

— два рубля литр, крепость пятьдесят градусов, с сивушными маслами и неприятным запахом.

Пьяным отец становился злым. Бился в истерике, бил посуду, бил мать, бил Виктора. Руками — редко, чаще полотенцем — свернутым в жгут, широким, хлестким. Ремнём — с медной пряжкой, оставлявшей синяки и ссадины. Однажды — ногой. В ребро. Виктору было семь лет. Он упал на пол, скорчился от боли, не кричал — терпел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.